НОЯБРЬ 1928 г. № 45 ЦЕНА 15 КОП.
ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

СМЕХАЧ

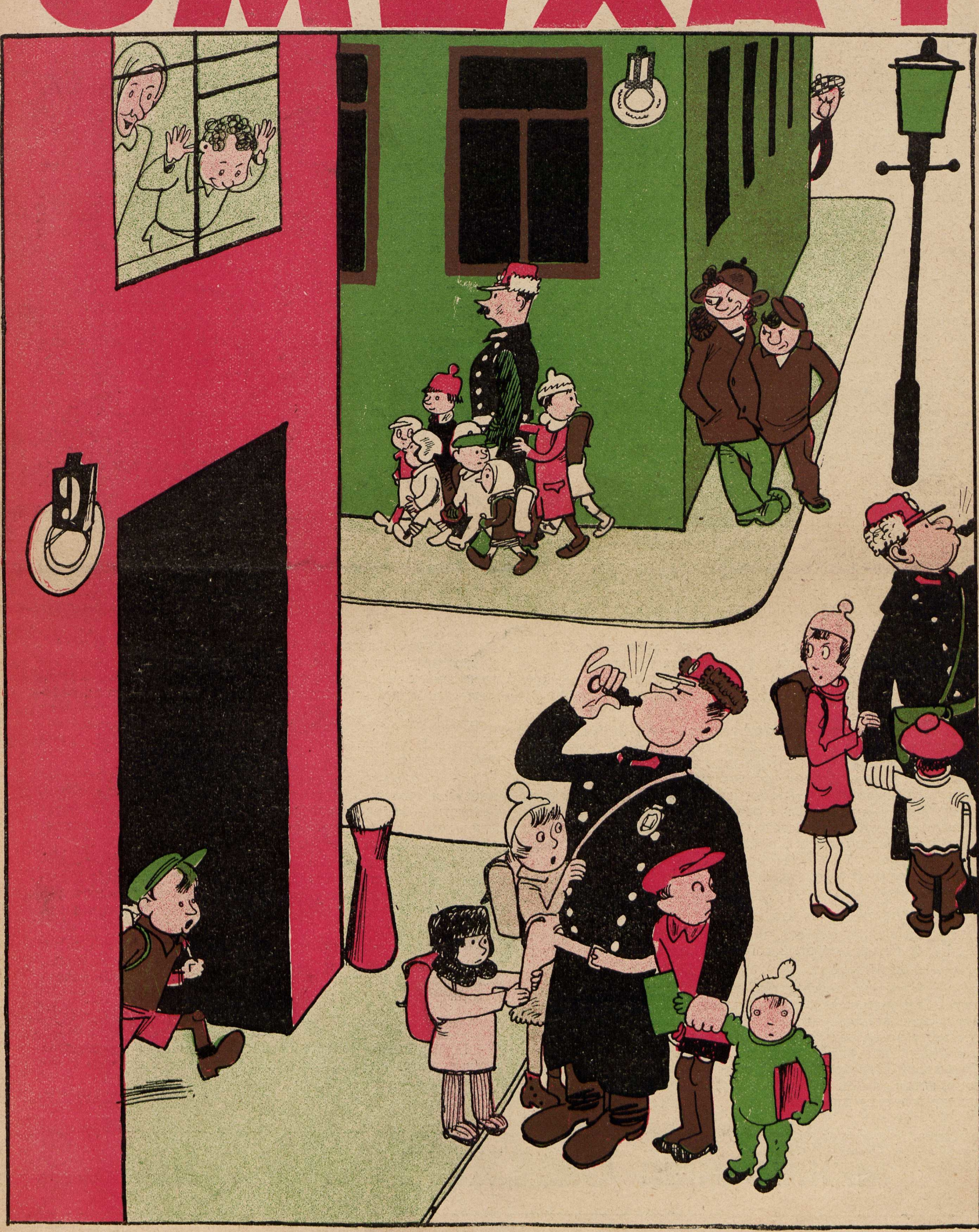

Рис. К. Ротова

Хулиганы избивают учащихся. Ученики вынуждены ходить в школы под конвоем милиции.
(«Красная Газета»).

МИЛИЦИОНЕР: — Дети, в школу собирайтесь!..

СРЕДИ ЗУЛУСОВ

Надпись на дощечке, прибитой у дверей, гласила:

МУЗЕЙ ВОСКОВЫХ ФИГУР.
ИМЕЮТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВСЕХ НАРОДНОСТЕЙ МИРА:
АМЕРИКАНЦЫ, ГОЛЛАНДЦЫ, КИТАЙЦЫ, ГУГЕНОТЫ, САККО И ВАНЦЕТТИ, ИНДИЙЦЫ, БОТАКУДЫ, АФРИКАНСКАЯ ГОРИЛЛА, ЦИКЛОП, ФАОНЫ И СИБИРСКИЙ МУЖИЧЕК.

«Музейный хозяин», небритая и мрачная личность в бархатном пиджаке, небрежно подносит, когда мы входим, два грязных пальца к неожиданному рыжему котелку на голове. От «хозяина» сильно пахнет водкой и чесноком, и скучающим и невозмутимым своим видом он сразу напоминает нам почему-то об'яснителя из паноптикума в рассказе Руденко.

Вспоминаете: «Наполеон первый на своем коне», «Дяденька, коня видать, а Наполеона нету-ти», «Стало быть, слез, по своей надобности за дерево отошел».

Он трижды звонит в огромный ржавый колокольчик, в котором, взамен побрякушки, привязана шпагатом старая солдатская медная пуговица с орлом, запирает дверь и, откашлявшись и оправив котелок, привычной скороговоркой начинает об'яснять, вводя нас в дебри загадочной «диорамы»:

— Нумер первый, — фаон, иначе демон лесов. В настоящее время сохранился в Италии, проживая в чащах, — и там поедает птиц и ловит нимф. Имеется фост длинной четыре вершка. Днем никого не трогает, но ночью очень просто может задавить спящего человека, а если это женщина, то случается грех, отчего молодые женщины их избегают. Чтоб он не явился, италийцы, когда ложатся спать, мажут грудь бобковой мазью и ставят на дверях крест.

— Чего же их терпят, гадов? — спрашивает кто-то в толпе:—Переловить, да в прорубь.

— Невозможно, гражданин: тамошние моря не замерзают. Мы подходим к следующей фигуре, граждане. Нумер два, зулус, или человек неба. Проживают в Африке, по реке Брикисикирики. Каждый зулус набирает столько жен, сколько убил врагов на войне. Попадаются выдающие сатирики, которые цельную жизнь воевали, и таперь имеют по полторы тыщи жен кажный...

— А если никого не убил?

— Значит, такое его счастье, значит, мучается один. Ихний король Чака приказал также убивать всех младенцев, кто родится после 12 часов ночи, отчего детишек у зулусов, вот именно, нехватка. Питается этот народ исключительно мясом.

— А хлеб?

— Хлеба там не знают, гражданин. Это-ж не Мелитополь. Дальше вы видите кафра, проживающего также в Африке, но по реке Трискрибри. Кафры занимаются колдовством, а также сеют маис, известный у нас, как кукуруза, а по простому киюхи. От зулуса имеет то отличие, что носит бычий передник и бусы, на которые покупает жен и репейное масло. Напротив, нумер четвертый — чудо нашего века, известный одноглазый циклоп, граждане. Циклопы живут в одиночку, в пещерах у города Череста и на вулкане Этна. Они обладают страшной силой и голосом, так что поднимают камень, который не могут сдвинуть 22 лошади вместе, и когда кричат, на небе расходятся тучи.

— Что-ж он,—чорт, что ли?

— Никаких чертей нет, товарищ, а просто феномен природы. Нумер пятый, гугенот. В общем, не отличается от голландца.

— А голландец?

— Голландец, нумер шесть, походит на гугенота. Игра фантазии. Под нумером же седьмым вы видите ботакуда; по нашему это значит затычка. Называются они так оттого, что носят предмет в носу, вроде, как кляп от бочки. Ботакуды, также как и австралийцы с острова Фиджи, обозначенные под нумером восемь, отличаются жестокостью; пленников они сперва откармливают, потом живьем жарят на кострах и с'едают, а из косточек делают предметы для носов.

— Страсти!

— Никаких страстей, барышня, но реальный факт познания мира. Далее, граждане, следуют китаец, голас, команч и сибирский мужичек, племена многозначительные и всем известные, отчего осматриваются без об'яснений. Прошу руками не трогать.

— А горилла?

— Горилла сдохла.

— Как же она сдохла-то, восковая?

— Игра природы.

***

«Хозяин» кашляет, плюет, шаркает по полу ногой в рваной парусиновой туфле и хрипло кричит:

— Мишка! Отворяй диораму! Осмотревшие граждане, станьте сюда, глядите в дырочку. Здесь вы видите, прежде всего, убийство французского президента Карно монахом Казерно в 1893 году.

— За что-ж он его кокнул?

— Стало быть, было за что.

— Да он, кажется, не монах был, а революционер...

— Молодой человек, если вы лучше меня знаете, откройте собственную диораму. Далее следует город Майнц в зимнее время и охота на тигров в африканских дебрях.

— Почему же тигр на лошади сидит?

— Он не сидит, а вскочил и терзает бессловесное животное. Старый Иерусалим при заходе солнца, граждане.

— Ничего не видать! Окончательно!

— Солнце слепит. Землетрясение в Мессине: было запрещено царской цензурой и впервые показывается при советской власти. Молодой человек, не напирайте, здесь научный музей. Последний номер диорамы, граждане, — крушение на железнодорожном мосту с человеческими жертвами. Смерть играет человеком!

— Чего же они смеются-то, в вагонах?

— Живы остались, вот и смеются. Благодарю вас, сеанс окончен! Мишка, запри!..

***

Я случайно попал в этот странствующий музей в маленьком, захолустном городке. Но до этого, с тем же «научным материалом», с той же «диорамой», с тем же об'яснением и руководителем, музей исколесил, оказывается, весь юг страны, побывал в Полтаве, в Николаеве, в Баку, Новороссийске, Бердянске и Бахмуте и целый месяц делал полные сборы, обосновавшись на главной улице... Ростова, в крупном центре огромнейшего богатого края.

И на двенадцатом году революции, в полосе культурного под'ема и «походов», в дни такой ожесточенной борьбы за грамотность, — местные наробразы всюду санкционировали благодушно его существование, его дикую программу, его нелепые афиши, его фантастических циклопов и фаонов.

Люди ставили визы и подмахивали разрешительные бланки, — и никому не пришло, видимо, в голову, между двух докладов о культурной революции во вверенной губернии, хоть раз заглянуть в эту «диораму» и поинтересоваться, как и чем там просвещают молодежь.

И колесит эта «диорама», демонстрируя демона лесов и циклопа, живущего на Этне, и беспрепятственно забивая головы людей всяческой вредной и нелепой чепухой, по всей родной земле...

***

Поразительно, до чего не умеем мы иногда «увязывать» нужные разговоры с практическим вниманием к мелочам культурной работы!

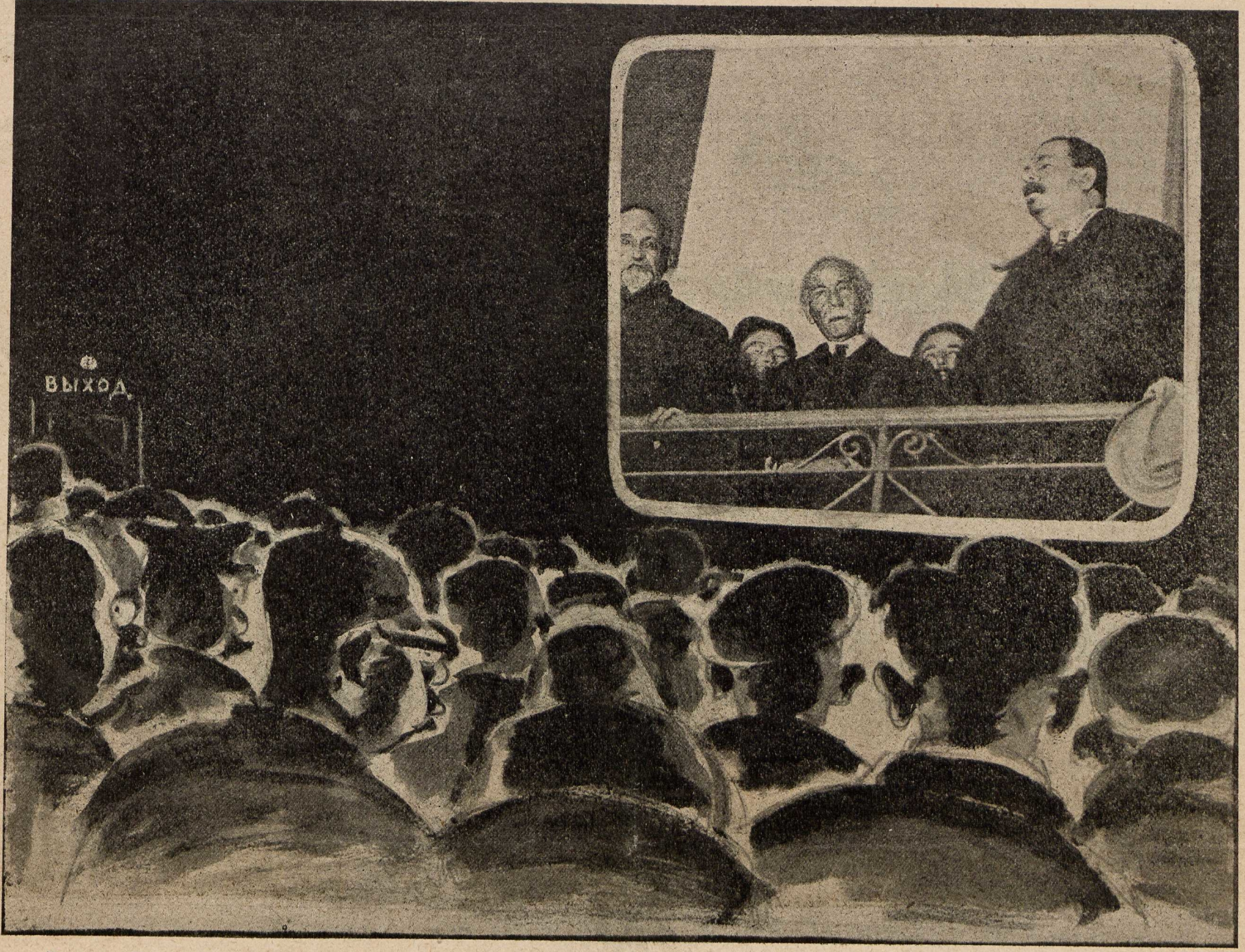
А. Зорич

МЕНЯЮ ИМЯ СМЕХАЧ НА ЧУДАК

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

Рис. Б. Ефимова

В кино-картине «Саламандра» заснят А. В. Луначарский.

Редкий случай, когда Анатолий Васильевич не может сказать своей аудитории вступительного слова.

ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ

Сойманов прекрасно знал, что кумовство в этом учреждении уничтожено на все сто процентов. Иначе говоря, Сойманов прекрасно знал, что поступить в это учреждение можно будет, только заручившись очень крупной протекцией.

Самым главным воротилой был Кисейкин. Об этом Кисейкине знатоки отзывались так:

— Камень! Кремень! Скала! Неприступен, как крепость! Но у него есть жена!

А в этом «но» была следующая тайна:

Елена Викторовна Кисейкина управляла своим мужем значительно лучше, чем он—учреждением. Умная и властная женщина, она распоряжалась Кисейкиным так, как об этом мечтает бюрократ по отношению к выдвиженцу.

И Сойманов стал искать повода познакомиться с Еленой Викторовной. На домашней вечеринке у Булкиных его познакомили с Кисейкиной.

— Елена Викторовна! Обещайте, что вы поговорите обо мне с мужем!

— С удовольствием! А вы давно на сцене?

— На какой сцене? Я... помощник бухгалтера, а не актер. Зачем же актеру нужна помощь вашего мужа?

— Если-б он не был режиссером в театре имени Кина,—добавьте!

— Кто режиссер? — вскричал Сойманов. — Кисейкин?

— Ах, вы про этого? — рассеянно сказала Елена Викторовна. — Разве вы не знаете, что мы уже больше месяца, как развелись... Вот мое предложение: приготовьте пару-другую монологов, и я ручаюсь, что в списке актеров театра имени Кина ваша фамилия будет не в последних рядах.

Сойманов горячо поблагодарил Елену Викторовну и быстро занялся переквалификацией. Целыми днями стоял он у зеркала и с невероятными жестами орал:

— «Как? Месяц!.. Башмаков еще не износила, в которых шла за гробом мужа!»

Но, наконец, роль была усвоена, жесты зазубрены, и Сойманов, чувствуя за своей спиной шаги приближающейся славы, побежал к Елене Викторовне.

— А, мой старый друг!—приветствовала она его.

Сойманов сразу же продемонстрировал свое искусство. Елена Викторовна пришла в восторг, но потом вдруг задумалась:

— Ах, какая жалость, что я разошлась с Леопардовым. В два счета он бы вас устроил!

— Ваш... муж... не режиссер?—еле выдавил из себя Сойманов.

— Увы, мы расстались с ним! Я вышла замуж за Пегасова. Знаете, за прокурора! Кстати, вот он идет...

Сойманов вяло пожал руку Пегасова, а Елена Викторовна сказала на прощание:

— Вот что, Сойманов! Если вы будете под судом, ну за растрату, за бесхозяйственность, за всякое прочее, то помните одно: я ваш друг!

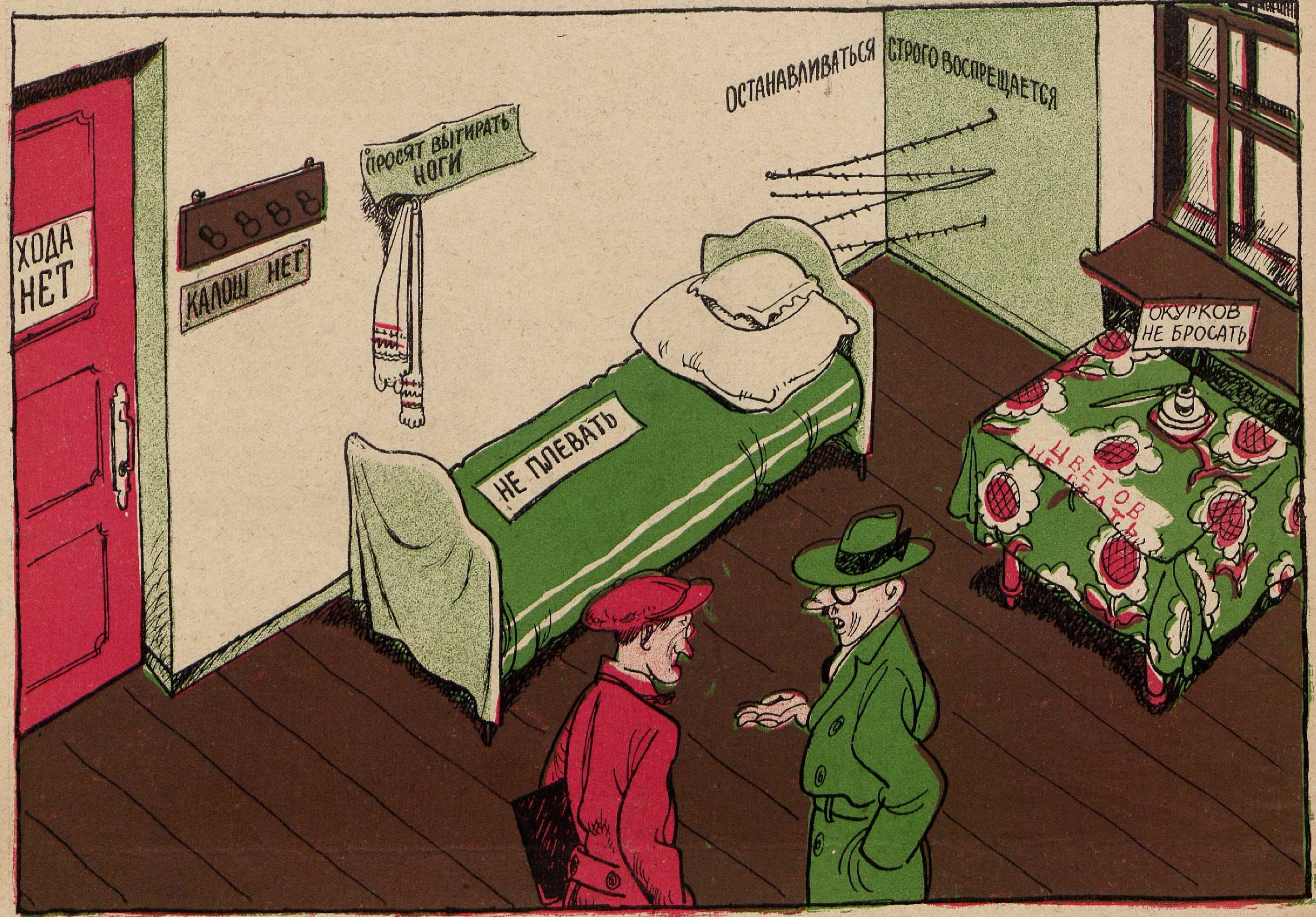
— Хорошо!—желчно ответил Сойманов. — Вы очень отзывчивы, и я, конечно, сейчас же ограбил бы три коопа, но где гарантия в том, что вы завтра же не разведетесь с Пегасовым?

— Тс!—кокетливо улыбнулась Елена Викторовна.—Вы не особенно пострадаете. На этот раз вам повезло. Мне кажется, что через месяц я выйду замуж за чеказе Уркина. Гарантирую вам —бесплатную защиту! Помните и не забывайте!

М. Коварский

УСВОИЛ

Рис. К. Ротова

— Все хорошо, но почему ни одной книги?
— Я их на время культпохода выбросил, от них только пыль!

ЧУДНОЙ ДЕД

(История одной благотворительности)

Старик опустил на стол секретаря сельсовета крупно исписанную бумажку, в которой просил принять от него пасеку в дар «школьному ведомству». Он не выговорил для себя никакой компенсации и об'яснил свой поступок без вывертов:— старость и одиночество, до пчелок ли тут? Пусть уж школяры повозятся, они ребята молодые. Им в пользу.

Секретарь прочитал странное заявление, закачивавшееся словами:

«... Прошу известить меня, какие формальности требуются для передачи имущества по означенному ведомству», осмотрел странного старика, который против его ожиданий не хлопотал ни о пособии, ни о месте в Собесе, и холодно отрезал:

— Пасеку подарить желаете? В порядке очереди, гражданин.

Хотя пасек никто больше не дарил и очереди на этот предмет по всей видимости не было, старику предложено было отправиться домой и выжидать счастливого дня, когда обряд формальностей над его заявлением будет завершен.

— Так ты уж, товарищок секретарь, поскорее сделай, потому пчелки станут у меня вроде, как беспризорные,—об'явил старик, приготовляясь отшагать по болоту десяток километров, отделявших его деревню от сельсовета.

И ушел, оставив свое заявление на сельсоветском столе.

***

Над щедрым пожертвованием завертелась канцелярская канитель. Вначале заявление переслали в райисполком, где умственные способности писавшего были взяты под сомнение.

— Не иначе, как рехнулся дед. Ежели-б в своем уме, разве стал бы задаром пасеку отдавать? За нее можно бы в два счета денежки на бочку, а он, хе-хе, школьному ведомству презентует. Определенно деда кондрашка стукнула!..

С ответом райисполкомщики не спешили, но жертвователь упорно напоминал о себе сельсовету, тот дергал Рик и, спустя два месяца, ответ был послан, но не в адрес старика, а сельсовета, которому спешить определенно незачем.

Пчелы тосковали по заботливому уходу, старик недоумевал, дни шли, но желанный ответ не прибывал, за даровой пасекой никто не гнался.

Конечно, старику не могли запретить продать свою пасеку за наличные и забыть о завертевшемся вокруг нее волокитном тайфуне, но доброхотный деятель возмутился редкостной халатностью и не поленился специально поехать в город, пожаловаться кому следует.

Когда «кто следует» вздул волокитчиков из низовки, те, не в шутку обидевшись, громко негодовали:

— Навязался окаянный со своей пасекой! Быдто без нее школа не проживет. Нашел чего горячку пороть.

Сельсоветчики извлекли из-под сукна пожелтевший за три месяца ответ Рика и озлобленные отправились на из'ятие пасеки, предназначенной для школы.

***

Оказывается, благотворительствовать не так то просто, граждане, А ежели думаете, что все выдумка, поторопимся разуверить.

Дело происходило в Приморьи, в деревне Люторге. Райисполком называется Ивановским, фамилия же нудного старика—Мюльберг.

И если бы не его настойчивость, не видать бы «школьному ведомству» этого подарка. Факт.

Макс Поляновский

СОВЕТ ПОЭТАМ

Надоело: «Осень — просинь»,
«Грезы — слезы»... Трын-трава!
Дайте в стих побольше сосен:
Все же, как-никак, дрова!

Мих. Андреев

ПО ПРИВЫЧКЕ

— А концерт у нас в учреждении так-таки и не состоялся.

— Это почему?

— Да вышел конферансье—делопроизводитель на сцену и говорит по привычке:—«Приходите завтра!»

СЕМЕЙНАЯ РАДОСТЬ

— Наша курьерша за швейцара выходит.

— Ну, слава богу, слава богу... А то как-то неудобно было. Все в учреждении родственники, а они—нет.

ПРЕДУПРЕДИЛ

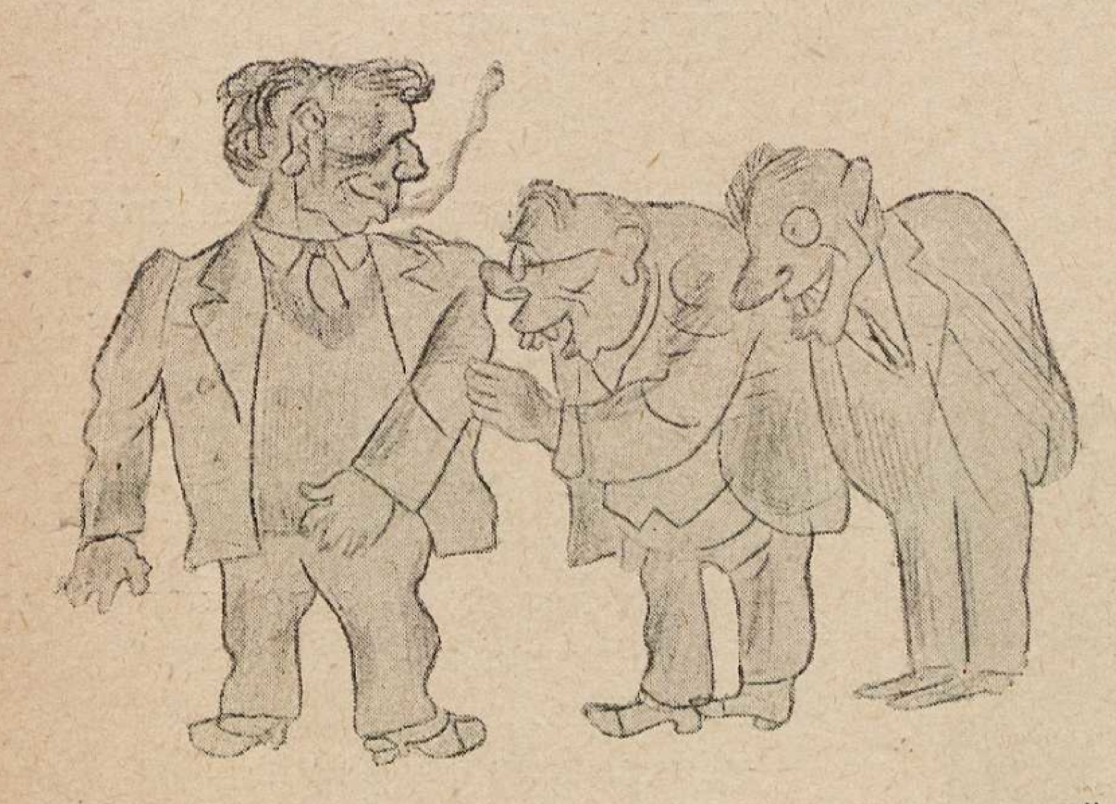
— Тебя в стенной газете прохватили.

— Не беспокойся: это я сам про себя накатал, чтобы другие не написали похуже!..

Рис. В. Козлинского

КАЛОШИ В ЛУЧАХ КРИТИКИ

Об одежде теперь говорят с уважением. В наше время одежда взошла как-бы на пьедестал. Замечается даже пресмыкание перед одеждой, особый род подхалимства. Двадцати-

... *Блудливо улыбаясь, они ласкают лохматый пиджак.*

рублевое пальто, волосатое, сработанное из черных конских хвостов, гуляет под именем драпового.

Собственник такого пальтеца идет еще дальше. Он показывает обновку знакомым и хвастается:

— Каково? Драп — велюр!

Знакомые искательно улыбаются. Они знают, что пальто сшито из войлока, но молчат. Это платяные подхалимы, люди бесстыдные и в своей низости глубоко павшие.

Блудливо улыбаясь, они ласкают какой-нибудь лохматый, пахнущий паленой бумагой, пиджак и восклицают:

— Бостон, шевиот, индиго!

Это круговая порука. Если не похвалишь хлопковый пиджак своего приятеля, то подвергнешь опасности критики свои собственные брюки. А они тоже ведь сшиты из отечественного коверкота, ценою в 93 копейки за метр.

Почтение к одежде простирается не только на предметы фундаментальные, вроде пальто или костюмов. Шарфы и сорочки, перчатки и галстуки, башмаки, шляпы, мягкие или замороженные крахмалом воротнички, тоже вызывают уважение.

Но есть одна часть одежды, над которой насмехаются. Ее презирают, о ней слагают анекдоты. Ее трудно даже назвать одеждой. Это скорее всего прибор. Это калоши, блистающие черным лаком и обшитые внутри розовым молескином.

О них говорят такими словами, будто эта отрасль резиновой промышленности позорна. Их проклинают. А мой сосед по квартире, доктор Скончаловский, не устает утверждать, что калоши — бич цивилизованного человечества.

И, действительно, тяжелы испытания, которым подвергают человека обыкновенные калоши на рубчатых подошвах с треугольным фабричным клеймом.

***

Для начала нужно заметить, что мы живем, как видно, в годы неурожайные для калош. Во всяком случае, эти капризные резиновые плоды никогда не поспевают к сезону дождей и появляются лишь в декабре.

Калоши декабрьского сбора имеют два размера — либо они очень малы, либо грандиозны. Когда спрос со стороны карликов и великанов удовлетворен, поступают в продажу калоши, рассчитанные на нормальную человеческую стопу.

Это происходит в феврале, и истомившееся человечество жадно расхватывает резиновые приборы.

Как люди простодушны и доверчивы!

Каждый из них почему-то уверен, что в эту зиму он ни с кем не обменяется калошами.

Множество людей паразитирует на этих бессмысленных мечтаниях и бойко торгует плоскими латунными инициалами для калош.

Но никакая сила, никакой латунный амулет помочь не может. Буквы только усложняют дело. И вечером, в коридоре квартиры, я слышу вздохи доктора Скончаловского. Он сейчас вернулся из гостей и, негодуя, рассматривает калоши на своих ногах.

Это не его калоши. Его были новые, февральского урожая, а это—старая рвань. Доктор с отвращением сбрасывает их и смотрит на сверкающие изнутри буквы «К» и «З».

В доме, откуда пришел Скончаловский, не было ни одного человека с такими инициалами. Значит, тот, с кем он по ошибке обменялся, еще до этого носил чужие калоши.

Все так запутывается, что след резинового прибора отыскать уже нельзя. Доктор визжит от злости и начинает разглагольствовать о биче человечества.

... *Калоши — бич цивилизованного человечества.*

***

Между тем, нет оснований так сердиться. Обмен — самая легкая из калошных пыток, пытка первой ступени.

Есть в жизни худшие случаи. Калоши забывают. Утром их забывают дома. Это обидно. Вечером их забывают у знакомых, что особенно мучительно.

Спохватившись только на улице, несчастный обладатель калош покидает трамвайную очередь, где стоял первым, и бежит назад.

Приходится долго звонить дворнику и топтаться на снегу у запертых ворот. Приходится подымать с постели заснувшего хозяина. Покуда гость униженно улыбается и неловко вколачивается в калоши, хозяин стоит рядом и молчит. Он облачен в пальто, из-под которого видны его голые ноги, поросшие зелеными волосами. Сейчас он ненавидит рассеянного идиота.

Домой обладатель калош идет пешком, потому что циркуляция трамваев давно закончилась. К концу своего долгого пути он начинает сознавать, что отношения его с хозяином испорчены почти навсегда.

Но только в театре калошное иго достигает апогея.

За три минуты до последнего занавеса из рядов выпрыгивает почтенный гражданин. Согнувшись, он устремляется по проходу между креслами к выходу. В полумраке он похож на террориста, только что бросившего бомбу в губернатора.

... *Хозяин ненавидит рассеянного идиота.*

Но это не террорист. Это владелец резинового прибора. Он бежит к своим калошам. Зрители негодующе оглядываются и шикают.

Это фарисеи. На калошевладельца нельзя шикать. Он не виноват. Если он задержится из-за своих калош, то не поспеет к последнему трамваю, поздно ляжет спать и опоздает на службу. А опаздывать на работу нехорошо. Это понижает производительность труда.

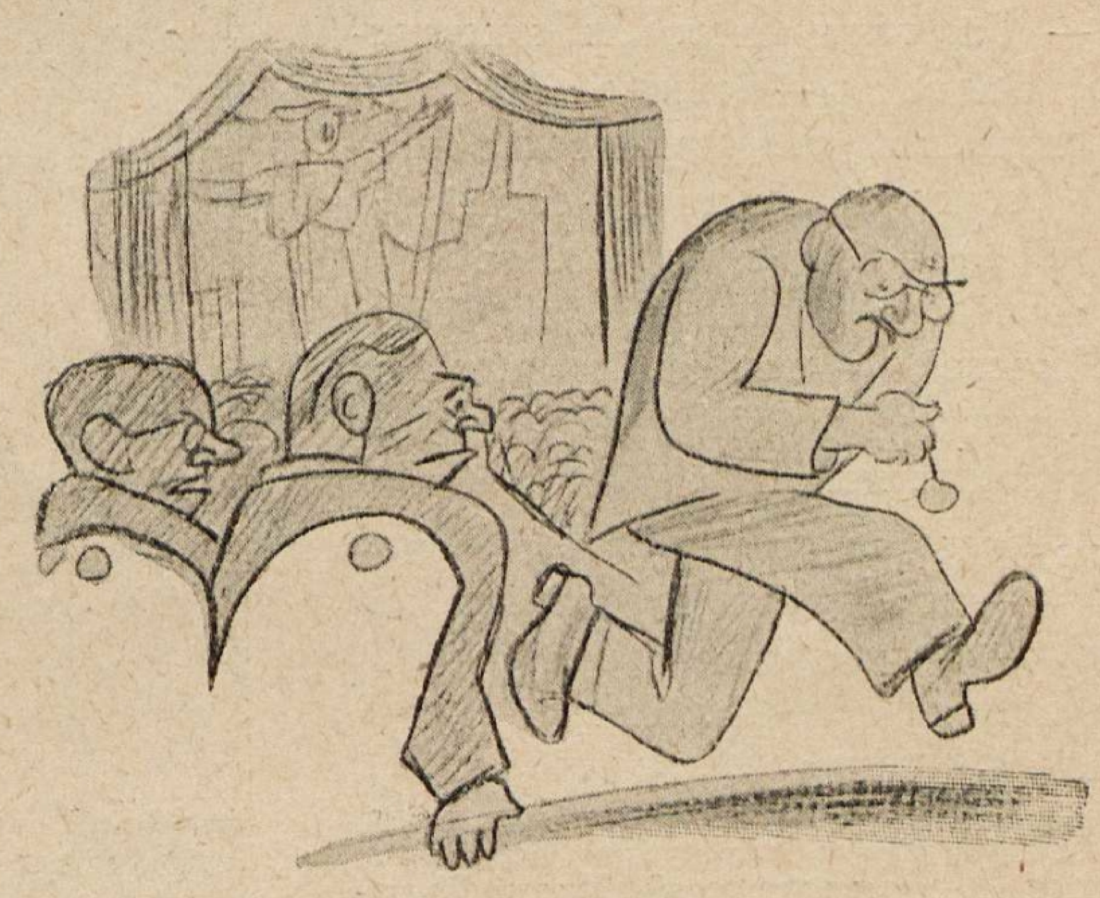
Пошикав с полминуты, фарисеи и книжники тоже не выдерживают напряжения и шумно выбегают из рядов. Толкаясь и подымая локти, они несутся в гардеробную.

Напрасно клекочет хор и волнуется оркестр. Все зрители сбились к дверям и даже не оборачиваются, чтобы узнать, чем, собственно говоря, окончились страдания Аиды, дочери эфиопского царя. Им некогда. Они находятся в унизительной зависимости от своих калош...

***

И тем более непонятна развязность и ирония, с которой люди говорят о калошах.

Над ними нельзя смеяться, нельзя слово «калоши» употреблять, как оскорбительный эпитет. Это просто не отвечает значению калош в жизни человека. Они значат больше, чем костюм или перчатки.

... *Калошевладелец бежит к своему резиновому прибору.*

Эта часть одежды еще не укрощена. Ее надо изучить и приспособить к нуждам человечества, иначе люди так и останутся в плену у калош, бегая за ними, хлопоча и отвратительно унижаясь.

И. Ильф

СОБАКА

Инженер Бибиков, специалист по постройке мостов, привел домой собаку.

Кривоногая, с тупой мордой и слезящимися глазами, она при продаже ее инженеру Бибикову еще коекак справилась с навязанной ей ролью — молодого дрессированного фокс-терьера, но стоило ей добраться до дивана Бибиковых, как тут же моментально переквалифицировалась: нагадила, поскулила старческим голосом и заснула.

**

Потянулись мрачные дни в семье инженера Бибикова: собака скулила, в квартире скверно пахло псиной.

Но... Наступил день, за ним вечер, сели чай пить. Тогда пришли гости. Даже, собственно, не гости, а так — сослуживцы инженера Бибикова по управлению. И, как всегда бывает,— разговаривать гостям было не о чем, молча хлебать чай — тоже было нетактично, и люди стали шарить глазами по комнате, по обоям, мебели в поисках темы. Так набрели глаза Ивана Антоновича, самого любезного и обходительного из гостей, на спящую на диване собаку.

— У вас новость, собака!.. Фьють, фьють! — засвистал Иван Антонович. — Иди сюда.... Ах, какая чудная собачка! Где вы ее достали? Подарил кто-нибудь?

— Как же, ждите! Таких собак не дарят, — ответил разозлившийся Бибиков, не желавший ронять свой престиж.—Удалось купить. По случаю. Шестьдесят рублей заплачено за нее.

— Ах, как дешево!

— Восемьдесят просили, еле выторговал за шестьдесят.

— Нет, это же прямо даром... Какая чудная псинка! Какая тихая, скромненькая! — не унимался расхваливать приветливый Иван Антонович.—Боже, как я люблю животных, если бы вы знали!

— Да, такую прелесть немудрено полюбить — ответил Бибиков, посмотрел на жену, и внезапно лицо его заиграло светлой солнечной улыбкой. — А дрессирована-то как? Сказал ей в начале вечера: «Рекс, на место!» — так она и лежит и, как видите, без разрешения не шелохнется с места.

— Классная собака, что и говорить! — поддержал другой из гостей, — Однако, вам здорово повезло, а то, знаете, бывает...

— Да, да... Вам всегда, товарищ Бибиков, везет в жизни! — перебил гостя словоохотливый Иван Антонович. — Вот мне, например, ведь мне никогда, никогда не подвернется такой случай...

— А знаете что, Иван Антонович? Смотрю я на вас и удивляюсь. Вы, как ребенок, ничего сами не в состоянии сделать и ждете, чтобы о вас кто-нибудь позаботился... Страстный собачник, а до сих пор собакой не обзавелись, — сказал Бибиков и торжественным театральным жестом, указывая на диван, патетически воскликнул: — Так и быть, берите собаку! Уступаю.

Лицо Ивана Антоновича перевернулось, и глаза стали оловянными.

— Где уж мне... Разве я в состоянии...

— Половину дадите... По рукам!— хлопнул Бибиков по руке Ивана Антоновича и сжал холодные, как у мертвеца, пальцы.

**

Спустя полчаса, Иван Антонович слез с извозчика, заплатил 1 руб. 20 коп. и поволок на цепочке собаку к себе на шестой этаж.

— Что за гадость?.. — всплеснула руками жена Ивана Антоновича.— Что это за животное?

— Фокс-терьер, — сухо отрезал Иван Антонович. — Купил. Тридцать рублей.

— Сумасшедший!

— У Бибикова купил... Поняла? У Бибикова! При том фокс молодой, вырастет — выправится.

— Какой подлец, этот твой Бибиков! Какое право он имеет вмешиваться в частную жизнь? Это же насилие.

**

Но... Накануне, вечером, к Ивану Антоновичу пришли гости к чаю. Даже, собственно, не гости, а так просто зашли на огонек сослуживцы Ивана Антоновича. Говорить, конечно, было не о чем, глаза шарили по обоям, мебели и прочему и зацепили за собаку.

— У вас новость!.. Собака!.. Фьють! — весело начал техник Андросов. — Какая чудная собачка! Где вы ее достали, красотку? Подарил кто-нибудь?

— Кто это «подарил»? Таких собак не дарят, их достают и то с трудом. Подите достаньте вторую такую собаку!.. Сорок рублей по знакомству уплатил.

— Ах, как дешево! — воскликнул вежливый Андросов. — Это же почти даром....

**

Через полчаса Андросов волок старую тварь к себе в общежитие. От Андросова собака попала к Михайлову, от Михайлова—к Павлову, от Павлова...

Долго моталась собака по иерархической лестнице, спускаясь со ступеньки на ступеньку, теряя по пути свою квалификацию и цену. Наконец, дошла она до той ступеньки, где находился регистратор Кондурушкин, которому она была просто подарена.

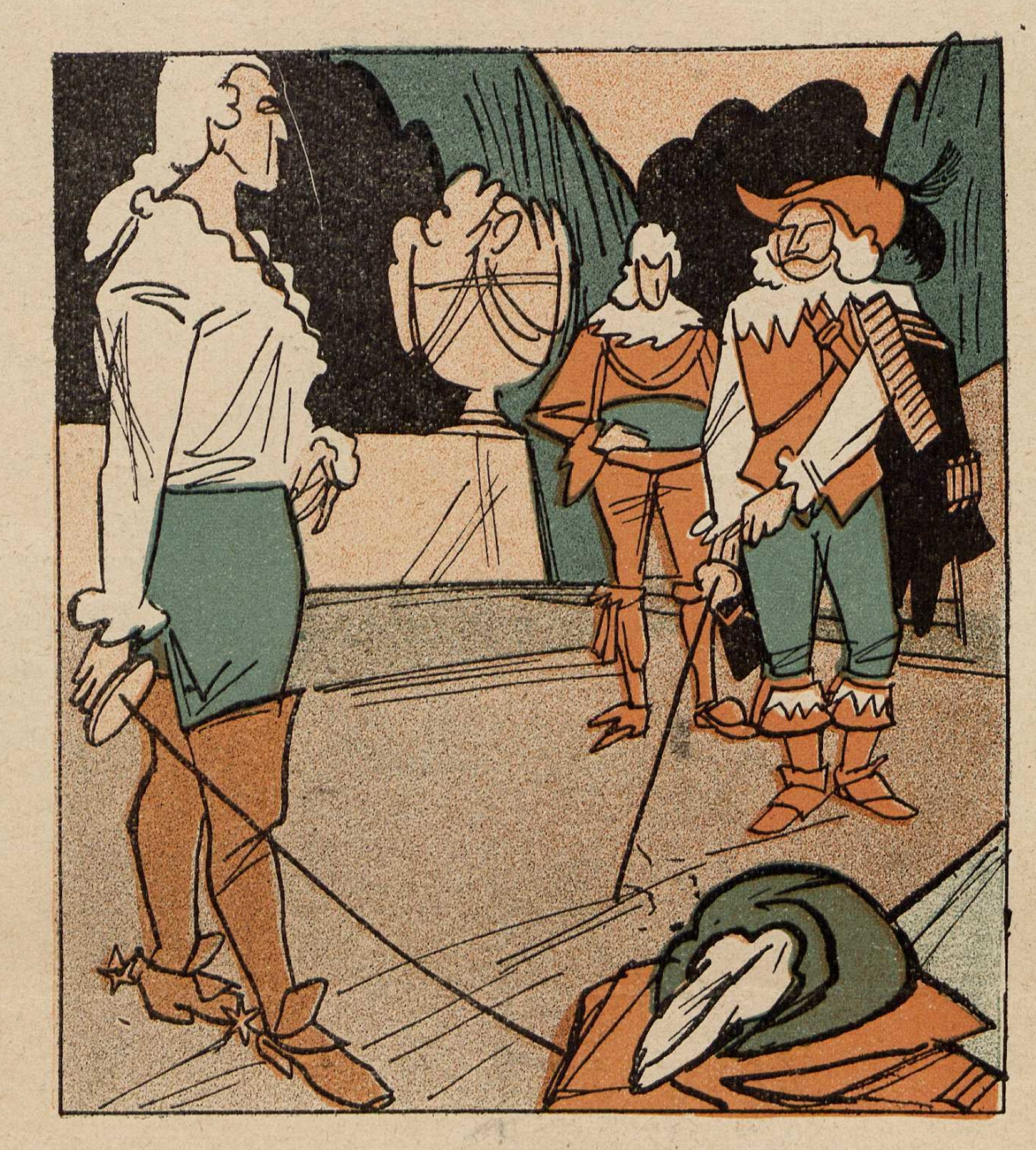
Долго мучился с ней Кондурушкин, пока не собрал трех рублей и не сбыл собаку швейцару Семену, уплатив ему «за беспокойство» всю собранную наличность. Семен повел ее в закоулок под лестницей в управлении, привязал и стал обдумывать план ее дальнейшего продвижения.

Собака заскулила, и звуки стали долетать в управление, сплошь почти состоящее из ее прежних хозяев. Занятые делом люди делали вид, что никто ничего не слышит.

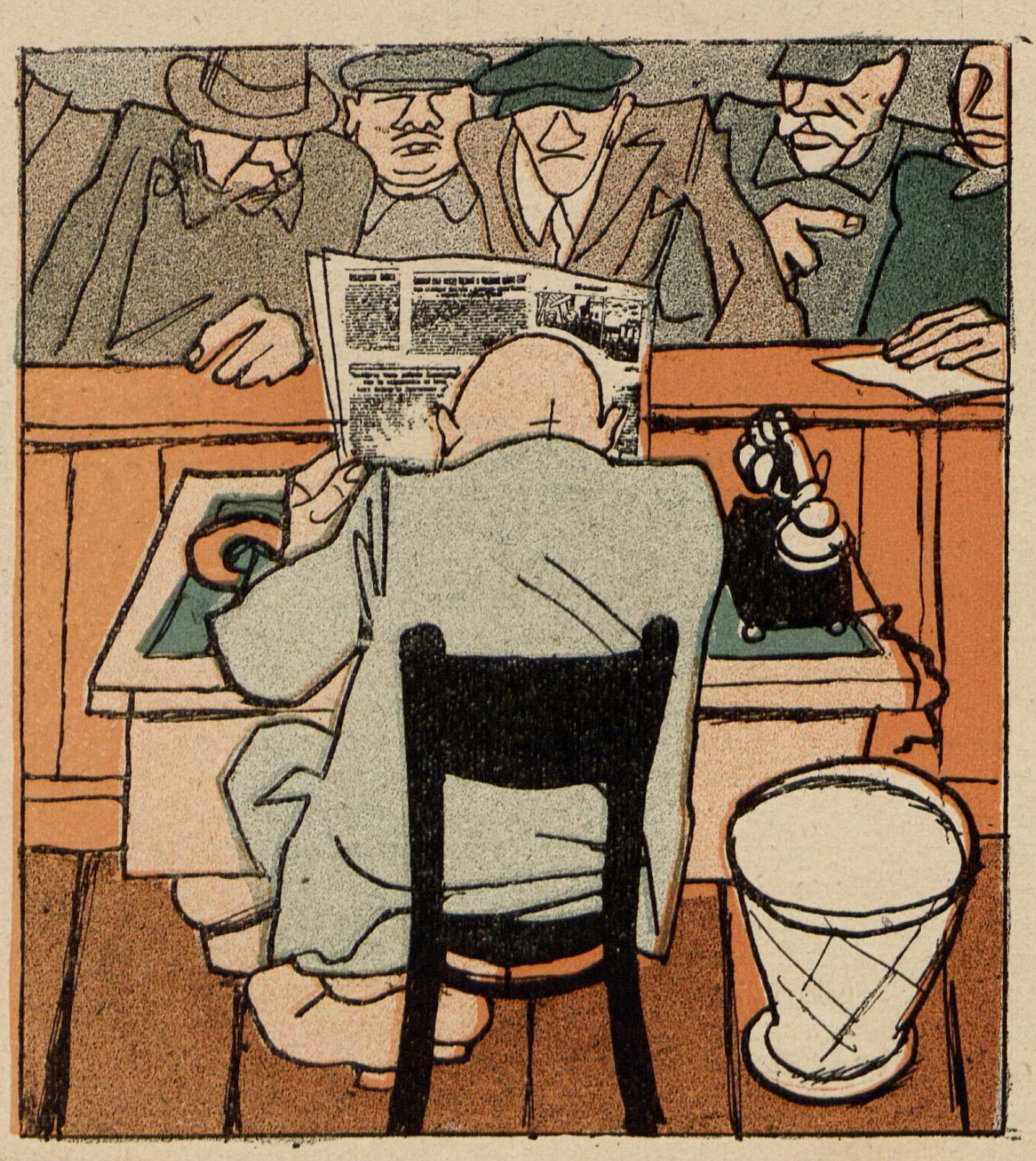
Ник. Максимов

К БАРЬЕРУ!..

Рис. В. Козлинского

Раньше один вызывал одного к барьеру...

А теперь к барьеру одного вызывает целая толпа...

ТОРЖЕСТВЕННАЯ КЛЯТВА

Рис. В. Козлинского

— Как? Ты надеваешь воротничек?!.
— Да! И не сниму его до конца культурного похода!..

МЕНЯЮ ИМЯ СМЕХАЧ НА ЧУДАК

КОМНАТА В КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ

Комната в коммунальной квартире площадью не больше тридцати квадратных аршин. В одной половине комнаты живет Пронин, в другой половине — Афонин.

На половине Пронина чисто выметено, убрана кровать, а посреди комнаты возвышается грядка из серой пыли, окурков, обрывков бумаги. Кое-где из грядки торчит кусочек веревки и кожуха от колбасы. У Пронина сидит приятель: они закусывают.

— Я не могу жить в грязи,— рассуждает Пронин: — что я делаю? Утром, как встану,—первым делом подмести пол. На столе у меня,—как видишь,—чистота. Кровать всегда накрыта. Только сам понимаешь — живешь не один — разве я за другого отвечаю?

Он чистит ножом огурец, аккуратно подбирает очистки и кладет их в пепельницу. Потом, раздумав, вынимает из пепельницы и бросает их на половину Афонина.

— Я люблю, чтобы и в пепельнице у меня никогда постороннего мусора не было. Чистоту люблю. А есть такие люди, которые ничего в этом не понимают,—вот хотя бы Афонин. Ты посмотри, какая у него грязь!

— Д-да, действительно,—соглашается приятель.

— Живет, как скотина... Ты смотришь, куда бы кожуру от колбасы бросить? Бросай на его половину,—ему что!

Пронин собрал со стола крошки, аккуратно вытер стол, а крошки тоже бросил на половину Афонина.

— Ну, идем, что ли.

Через полчаса приходит Афонин, и тоже с приятелем.

— Опять этот Пронин нагадил!—говорит он, оглядев покрытый мусором пол своей половины, и смачно плюет на половину Пронина.—Что за люди бывают на свете, право!

Афонин берет щетку и аккуратно подметает свою половину. Грядка посредине комнаты растет.

— Свинья прямо, а не человек,—об'ясняет он: — а я чистоту люблю. Я не могу в грязи жить. Я даже не понимаю, как это люди могут так жить, как этот Пронин?! Насорит, нагадит и уйдет. Ты хочешь окурок бросить? Бросай на его половину,— пепельницы не держу, я не курящий...

К вечеру Афонин уходит на ночную работу. Возвращается Пронин.

— Так и знал, что нагадит!

Пронин берет щетку и подметает свою половину комнаты. Грядка из пыли, окурков, очисток, шелухи и прочего добра, без которого трудно обойтись в жизни, все растет и растет.

... На половине Афонина чисто выметено.

... На половине Пронина чисто выметено.

... Грядка посредине комнаты растет.

... От частых поливок на грядке появилась травка.

— Чего это ты мусор посреди комнаты держишь?—замечает Афонину один из посетителей.

— Так это же на его половине. У меня, видишь, какая чистота.

— Вы бы сговорились и убирали этот мусор по очереди, что-ли...—говорят Пронину.

— Сговоришься разве с таким человеком?—отвечает Пронин:—Разные мы люди, я чистоту люблю, а он...

Грядка посреди комнаты все растет и растет.

— Осторожнее, тут мусор!—говорит Афонин, вводя приятелей в комнату.—Смотри, не занеси сора на мою половину...

Гость с ловкостью спортсмена перепрыгивает через грядку.

— У нас тут граница, — об'ясняет Пронин.—Здесь у меня культура и чистота, а там свинюшник. Только вот беда: от каждого движения сор летит в мою комнату.

— Так это же просто: ты возьми и полей водой, — пыли и не станет.

— А и то дело! — отвечает Афонин.—Кстати, мне надо из чайника чай выбросить. Выбросим сюда.

Грядка теперь не пылит. Она ежедневно аккуратно поливается спитым чаем.

— Убрали бы, наконец, сговорились бы!..

— А как ты с ним сговоришься? — отвечает Афонин. — Его весь день дома нет.

— Не сговоришься с ним! — заявляет Пронин.—По ночам его никогда дома не бывает. Мы и не видим друг друга, а если и видим,—стану я с таким разговаривать!..

— Буду я с таким разговаривать!—вторит Афонин.

А грядка все растет и растет. Она уже выросла на четверть аршина в вышину, и от частых поливок на ней появилась первая травка.

— Что это у вас? — спрашивают у Пронина.

— А это совхоз имени Афонина!—отвечает тот.

— Это Пронинское огородное хозяйство!—на тот же вопрос отвечает Афонин.

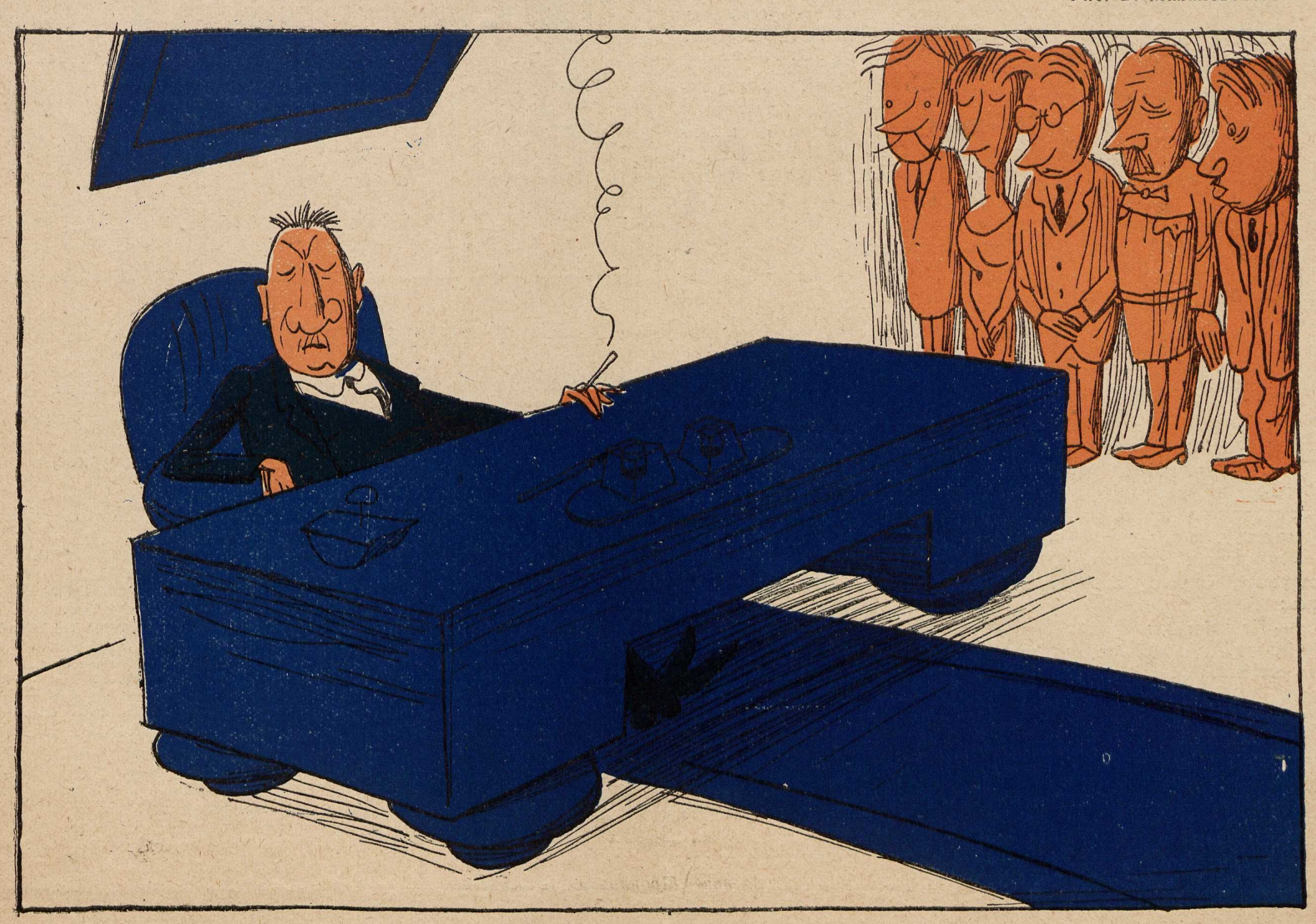
Как-то раз к Афонину пришел его приятель, только что поступивший в сельско-хозяйственный техникум. Сидели они, закусывали и разговаривали о сельском хозяйстве у нас и за границей.

— Далеко ли ходить за примером?—сказал приятель. — Вот хотя бы взять эту грядку,—указал он на возвышение посреди комнаты:—тут у вас сорная трава растет, а разве допустили бы это за границей? Ни за что! За границей немец какой-нибудь тут бы помидоры посадил. Вот что... А ты говоришь—заграница!..

М. Козырев

БУКВАЛЬНО

Рис. Б. Малаховского

— Энергия, граждане, необходима! Просите меня об ускорении вашего дела! Просите раз, другой... Напирайте, как говорится, до отказа!

ДРЕБЕЗГИ

ВЕСЕЛЫЙ САДОВОД

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН правильно заметил в свое время, что удел бывших сановников — тихое садоводство.

Так: английская кинофирма «Говорящее кино» засняла фильм с участием Ллойд-Джорджа: по ходу действия Ллойд-Джордж говорит о пользе садоводства.

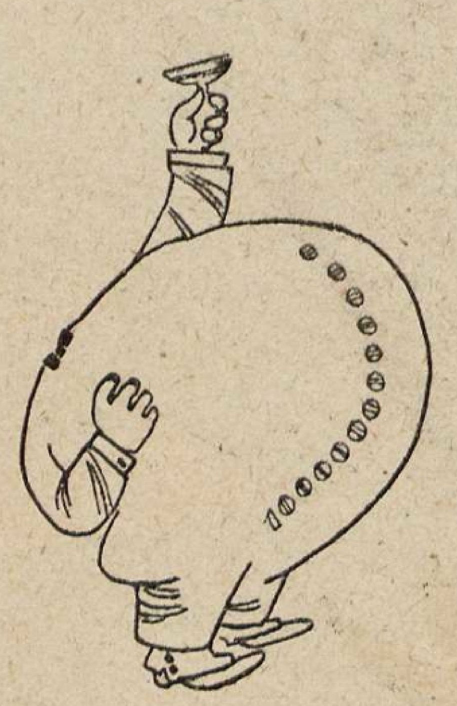
Так как Ллойд-Джордж еще думает вернуться к премьерству, мы можем только несколько обеспокоенно спросить:

— Ну, хорошо, сейчас — цветочки, а какие потом будут ягодки?

АМЕРИКАНСКОЕ СЧЕТОВОДСТВО

КАК СООБЩАЮТ газеты:

В Нью-Иорке состоялся банкет капиталистов, который назван газетами «20-миллиардный банкет», по сумме капиталов, принадлежащих участникам его (Форд, Фаерстон, Розенвальд и т. д.).

В Америке счет людей по головам, как устарелый, заменен более современным исчислением:

— По карманам.

Во-первых, эффектнее, а, во-вторых, и голов для этого не требуется!

ШАГ ВПЕРЕД

ВОЛЬТЕР сказал, что «писатель должен переживать судьбу своей рукописи». В высоко-культурной Польше эта истина воспринята лишь фактически и там начали выбрасывать в окна уже не рукопись, а самих авторов.

— Так, во Львове польские студенты, ворвавшиеся в помещение редакции украинской газеты «Дило», выбросили в окно со второго этажа одну из сотрудниц газеты. С переломанными руками она отправлена в больницу.

Еще совсем недавно польская молодежь умела только целовать женские ручки. Теперь она научилась их и переламывать. Для молодого государства это уже большой шаг вперед.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Вот так живешь и живешь, иной раз мыслишь устно или письменно и все как-то ни к чему. И вдруг прочтешь в «Комсомольской Правде» умные строки, прямо в точку, прочтешь и умилишься:

Стихов много. Тематика до невероятности скудна и ограничена. Грубо все стихи можно разбить на две группы: стихи о войне и мире и стихи о природе и любви.

Каждый автор стихов первой группы считает своим долгом напомнить, что рано или поздно будет война, и уверить читателя, что он распрощается с милой и обязательно сменит книгу (или соху, или станок, или перо) на винтовку.

Ох, до чего-ж верно, до чего в точку!

В стихах о природе вечные «тишь» и «камыш», «лунные блики», — словом, весь ассортимент слов, полагающихся в подобных случаях. Свежие, оригинальные образы, свежие темы попадаются редко.

Золотые слова, подлинно золотые слова... Почитаешь тов. Н. Потапова, в жажде подлинной поэзии перевернешь лист «Комсомольской Правды», и, глядь, в литературной страничке идеологически выдержанные, глубокие, свежие, оригинальные стихи А. Ясного:

В порту сестрица Мэри
Красавицей слыла,
Поклонников у двери
Торчало без числа.
Но всех милей и краше,
За бороду, за рост
Ей полюбился страшно
С «Полярного» матрос.

Но как-то в вечер, к чаю,
Идя домой, матрос,
Глянув в окно нечаянно,
Как вкопанный прирос.
Он видит: кто-то в кепке (?)
(Довольно молодой)
Целуется и крепко...
С его женой.

Матрос помчался в кубрик,
И, приготовив нож,
Бутылочку раскуприл,
Настаивая дрожь (?).
Но выпив водки с перцем,
Приправив табаком,
Себя убил он в сердце
Казенным тесаком.

А Мэри? Что же, Мэри —
Красавицей слыла —
Поклонников у двери
Торчало без числа,
И всех милей и краше
За бороду, за рост,
Ей полюбился страшно...
Другой матрос...

И точка. Привет тов. Ясному. Привет т. Н. Потапову. Привет «мичману из Нагассаки» и редактору литстранички тоже привет!

МАГДАЛИНИАДА

(Дружеская пародия)

И вот
Мне снится, снится
В тиши больших ночей
Лицо святой блудницы,
Любовницы моей.

А. Жаров — «Магдалина».

Мне снится, снится, снится,
Мне снится чудный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.

Не женщина — малина,
Шедевр на полотне —
Маруся Магдалина,
Раздетая вполне.

Мой помутился разум,
И я, впадая в транс,
Спел под гармонь с экстазом
Чувствительный романс.

Пускай тебя нахалы
Ругают, не любя, —
Маруся из Магдалы,
Я втюрился в тебя!

Умчимся, дорогая,
Любовница моя,
Туда, где жизнь другая, —
В советские края.

И там, в стране мятежной,
Сгибая дивный стан,
Научишь страсти нежной
Рабочих и крестьян.

И там, под громы маршей,
В сияньи чудном дня,
Отличной секретаршей
Ты будешь у меня.

Любовь пронзает пятки.
Я страстью весь вскипел.
Братишечки! Ребятки!
Я прямо опупел!

Я, словно сахар, таю,
Свой юный пыл кляня...
Ах, что же я болтаю!
Держите вы меня!

Александр Архангельский

ИЗ ДНЕВНИКА КЛИМА УНЫВАЛОВА

СОКРАЩЕНИЕ не везде полезно. Если тебя вызвали в КК, не говори «Иду на вы», а говори полнее: «Иду на вызов!»

ЛЮБИ ближнего, если ты с ним не встречаешься.

ЦВЕТОК в книге засушивают, а человека — на собраниях.

НЕ ВСЯКОГО тонущего сразу спасай. Многим полезно побыть в воде, чтобы хоть раз вымыться.

КАЖДОМУ халтурщику на популярном концерте я бы сказал: играй, а не отыгрывайся...

ШЕКСПИР сказал: «Острое слово спит в ушах глупца». Большие уши некоторых критиков в этом отношении представляют собой обширную ночлежку.

ГОД распадается на четыре сезона. Из них три хороших, а один — театральный.

ЮНОШИ с грязными полосами на шее теперь уже не вызывают восторга. Чресполосица нынче не в моде.

ШУТКИ В СТОРОНУ

«ТАРАКАНОВЩИНА»

(Театр Сатиры)

Сатирики, какая вам охота
(Я, право же ,никак не разберу)
Обстреливать блоху из пулемета
Иль из винтовки бить по комару?

Ваш стихотворец — глуповатый малый,
А критик Сватов — разве-ж не таков?
За умников возьмитесь, ювеналы!
Коль обличать, так уж — без дураков!

«ДУРАКИ НА ПЕРИФЕРИИ»

(Пьеса Б. Пильняка)

Затея автора — пуста,
Иль, говоря литературней:
Не стоит ездить на места,
Чтоб изучать российских дурней.
Зачем (издержки велики!)
Катить «во глубину России»,
Когда в избытке дураки
Не только на периферии?!

Скорпион

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

НА СТРАЖЕ

Сообщают такой факт:

Рабочим Березниковского завода запрещен вход в «красный уголок» инженеров. Когда двое рабочих активистов запротестовали, бывший председатель фабзавкома, ныне работающий в Обкоме химиков, Воденников, заявил:

— Вы топчете культуру!..

Бедная культура! Не то страшно, что ее топчут, а то, что эту культуру охраняет тов. Воденников.

НОВОЕ В ФИЗИКЕ

Календарь «Светоч» в своей таблице «Меры энергии» уверяет, что:

Ампер — мера электрич. напряжения достаточного для разложения 0,009324 грамма воды в секунду.

ОМ — сопротивление, встречаемое электрич. током, проходящим через столб ртути в 1 метр высотою и 1 кв. метр в основании.

На самом же деле: ампер — единица силы тока достаточного для отложения 1,118 мг. серебра из азотнокислого раствора в секунду. ОМ это тоже совсем другое. И, короче говоря, все меры энергии, которые приводит «Светоч», не верны.

А жаль — у календаря «Светоч» так много дней в своем распоряжении, что он мог бы выбрать хоть один денек и почитать, как следует, физику!

Но на это у него, очевидно, не хватает... энергии!

РАЗБИТЫ НА ГОЛОВУ

«Синяя блуза» — Медсантруд г. Вологды — отправилась в культпоход в село Кубенское. Вот как очевидцы описывают результаты этого похода:

Синеблузники перепились, устроили скандал в «Доме крестьянина» и в пылу пьяных споров пустили в ход ножи.

К сведению вологодских синеблузников:—отправляясь в культпоход, надо вооружаться знаниями, а не ножами, вилами и оглоблями. И иметь в виду, что во время культпохода приходится больше работать головой, нежели кулаками.

КНИГУ В МАССЫ

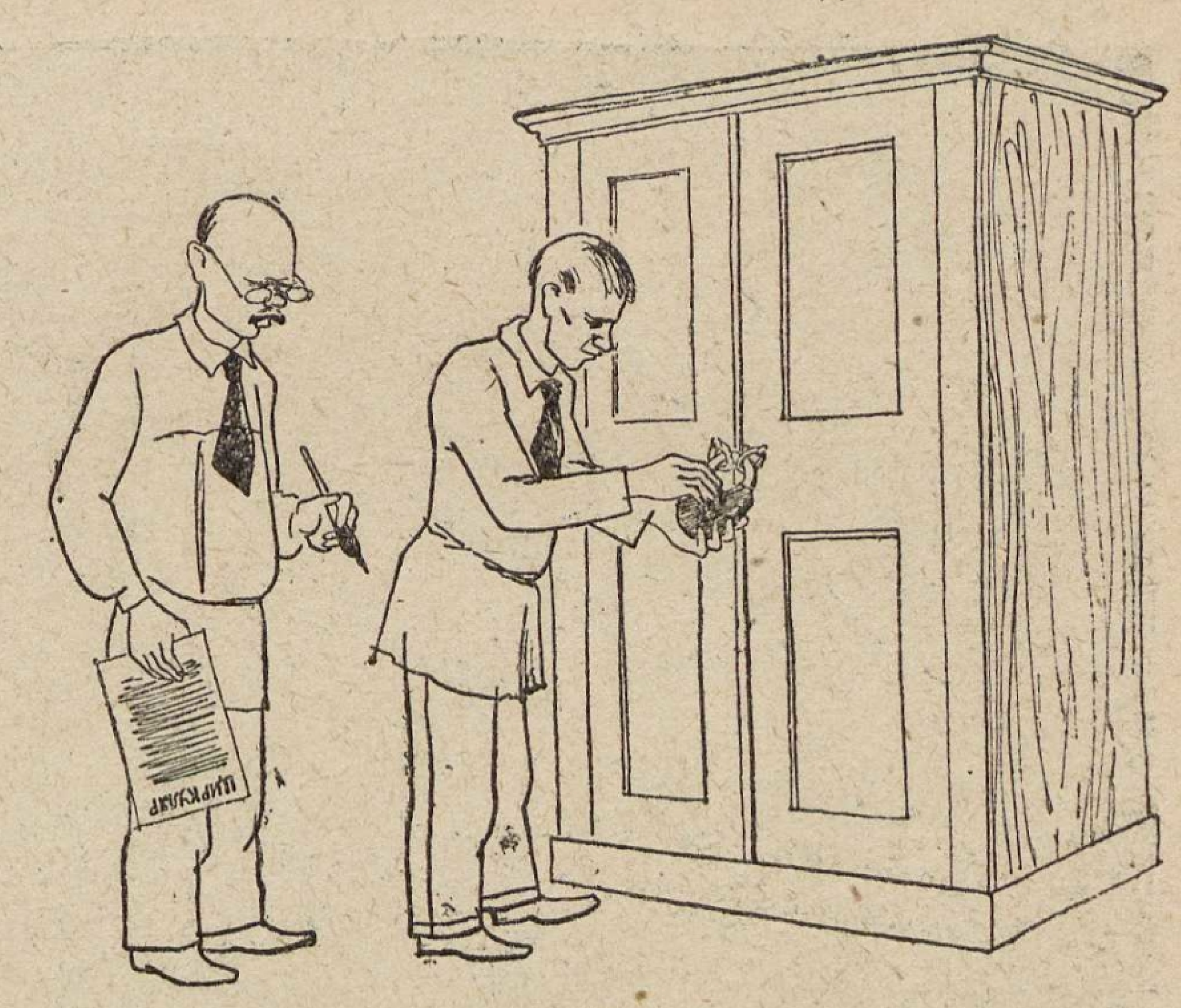
Известно, что Госиздат предпринимает меры, чтобы книга как можно скорей дошла до читателя. Но читатель, в свою очередь, тоже не дремлет. Вот, например:

В Челябинске из центральной библиотеки читателями вынесено 600 книг, из татаро-башкирской библиотеки 350 книг. Из них вырываются страницы, нередко целые рассказы.

До чего у нас любят книгу — не только с ней расстаться не могут, но даже отдельные страницы в карманы прячут.

ОДНА БЕДА НЕ ХОДИТ

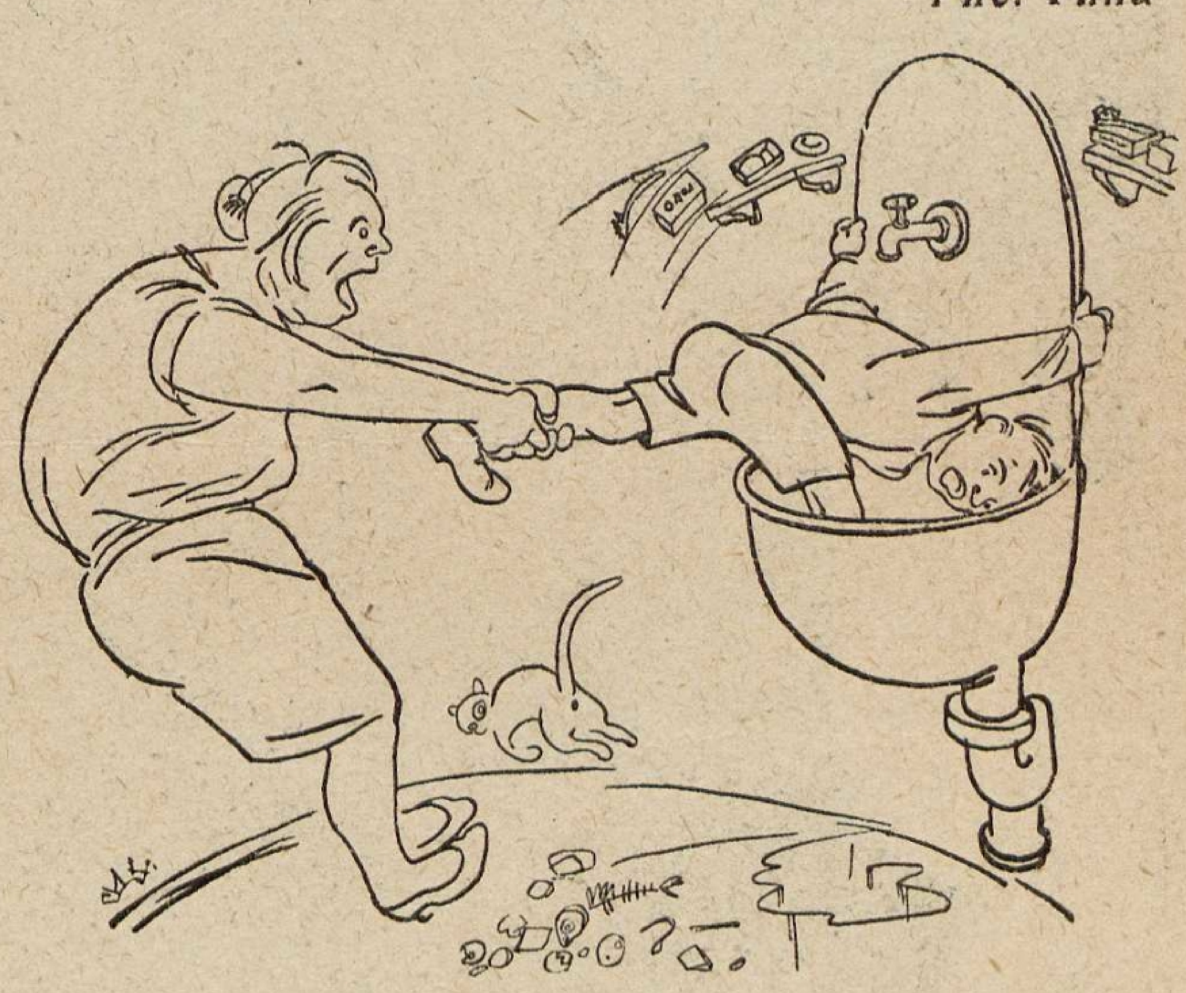
Рис. Н. Денисовского

— Циркуляр пришел, — освобождай шкаф!
— Для одного циркуляра — целый шкаф?
— Ну да! А куда же мы денем «во изменение», «в дополнение», «в добавление», «в отмену»? Пожалуй, что одного-то еще и не хватит!..

ИСКАТЕЛЬ ЖЕМЧУГА

Рис. Гина

— Чего ты в раковину лезешь?!.
— Мама, отпусти! В книжке сказано, что в раковинах находится жемчуг!

Издатель — **«ОГОНЕК».** Редакция — Москва, Страстной бульвар, 11. Отв. редактор — **Мих. Кольцов.**

Главлит № А25444. Москва, тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Заказ № 2498. Тираж 100.000.

У ЗНАХАРКИ

Рис. В. Козлинского

— Я к тебе, бабуся, лошадку полечить.
— Иди к ветеринару. У меня от людей отбоя нет.